

Николай Крюков

Кто оставил
«Варяжский след»
в истории Руси?

Разгадки вековых тайн

Николай Крюков

**Кто оставил «варяжский
след» в истории Руси?
Разгадки вековых тайн**

«Грифон»

2014

УДК 94(47)[02 +08]
ББК 63.3(2Рос)+63.3(0)4

Крюков Н. М.

Кто оставил «варяжский след» в истории Руси? Разгадки вековых тайн / Н. М. Крюков — «Грифон», 2014

Книга посвящена разгадкам тайны, которая довлеет над русской историей уже несколько столетий. В ней подробно описан механизм возникновения «легенды о норманнах», о так называемом варяжском завоевании, о котором до сих пор известно, главным образом, то, что хотели сказать об этом и охотно повторяют и в наши дни заинтересованные (и не очень доброжелательно настроенные к России) источники. Сама концепция книги – анализ рукописи Лаврентьевской летописи и сопутствующих ее созданию обстоятельств – максимально открыта для читателя. Кто такой Рюрик, откуда он появился и был ли вообще, какую роль в актуализации проблемы Рюриковичей сыграл Иван Грозный и какие именно династические соображения были тому причиной – все это автор излагает с привлечением самых разных исторических материалов. Книга будет интересна для читателей, увлекающихся историей.

УДК 94(47)[02 +08]
ББК 63.3(2Рос)+63.3(0)4

© Крюков Н. М., 2014
© Грифон, 2014

Содержание

Предисловие	7
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Николай Крюков

Кто оставил «варяжский след» в истории Руси? Разгадки вековых тайн

*Вся земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет.
Нестор. Летопись. С. 8*

1

Послушайте, ребята,
Что вам расскажет дед.
Земля наша богата,
Порядка в ней лишь нет.

2

А эту правду, детки,
За тысячу уж лет
Смекнули наши предки:
Порядка-де, вишь, нет.

3

И стали все под стягом,
И молвят: «Как нам быть?
Давай пошлем к варягам:
Пускай придут княжить.

4

Ведь немцы тороваты,
Им ведом мрак и свет,
Земля ж у нас богата,
Порядка в ней лишь нет».

5

Посланцы скорым шагом
Отправились туда
И говорят варягам:
«Придите, господа!

6

Мы вам отсыплем злата,
Что киевских конфет;
Земля у нас богата,
Порядка в ней лишь нет».

7

Варягам стало жутко,
Но думают: «Что ж тут?
Попытка ведь не шутка —

Пойдем, коли зовут!»

А.К. Толстой

Предисловие

Варяг! О, сколько противоречивых чувств вызывает это слово! Но еще больше – вопросов. Почему варяги в нашей русской истории героизируются? Например, в литературе, искусстве варяги изображаются чаще всего положительными персонажами. Почему постоянно появляются различные версии славянского происхождения варягов? Их ищут в местах расселения восточных славян на южной стороне Балтики. В общем, варяги представляются хорошими мореплавателями и торговцами, мирными рыбаками и варщиками соли. Такие славные ребята одного из славянских племен!

Но в то же время хочется задаться вопросом: почему словом «варяг» у нас не принято называть родного и близкого человека? Как раз наоборот. В обиходе это слово всегда имеет негативный оттенок. Приглашенный со стороны человек воспринимается как чужой – варяг. Тем более если он – иностранец. Особенно если этого человека уже знали и его появление было нежелательным. Все это происходит на подсознательном уровне, как рефлексорная реакция, например, на нового управленца, в ком читается высокомерие, пренебрежение, даже презрение по отношению к подчиненным. Варяг – это не приговор, а, скорее, общественное порицание.

Примечательно, что положительный образ варяга создается в основном отечественной историографией, а отрицательный – зарубежной. И в этом есть определенный смысл. В зарубежной традиции варяги предстают завоевателями, грозной силой на морях и на суше, некогда способными брать дань с непокорных племен, управлять ими. А у нас их видят морскими романтиками с секирами наперевес.

Эта двойственность восприятия варягов – не выдумка современных интерпретаторов русской истории. Такое противоречивое отношение к варягам заложено в самой ранней, самой известной нашей летописи, называемой Лаврентьевской. На эту летопись ссылаются практически все, кто хочет доказать чужеродность варягов или, наоборот, обосновать их миролюбие. Ее цитируют, когда хотят что-то показать в отношениях славян и скандинавов, славян и так называемых финно-угров в Волго-Окском междуречье.

В одном фильме, снятом в 2012 г., ведущий обращается к хранительнице рукописи Лаврентьевской летописи за консультацией. Она, с благоговением переворачивая страницы, между прочим замечает: «А ведь к оригиналу за все мое долгое служение в музее так никто и не обращался». И на самом деле, все уже давно привыкли пользоваться вторичной литературой, то есть переведенной некогда на современный русский язык начальной частью летописи. Возможно, поэтому, чтобы приблизить любознательного читателя к исторической правде, в том же 2012 г. Лаврентьевскую летопись оцифруют, и ее электронная копия появится в открытом доступе в Интернете. И это, несомненно, большое событие: теперь можно, во-первых, сравнить оригинал текста летописи с ее переводом, а во-вторых, получить возможность сформировать собственное впечатление об авторе летописи, о тех или иных событиях, сказаниях, легендах и т. п.

Двойственность отношения к варягам очень сильно проявилась в норманнской теории происхождения русской государственности. Новгородцы, по летописной легенде, призвали на княжение в Новгород варягов «из-за моря», возможно шведов, во главе с Рюриком, но на проверку варяг Рюрик оказался норманном. Теория-то норманнская, а не варяжская! Значит, князь – не свой, а все-таки чужой! Получается, когда мы говорим о норманнах, то часто имеем в виду варягов – и наоборот. Слова «варяг» и «норманн» оказываются синонимами, хотя такого не может быть в принципе! Добавляет путаницы в этом вопросе еще одно распространенное в средневековой Скандинавии слово – викинг. Ведь норманнов чаще всего принимают за тех же викингов. Но викинги в зарубежной историографии ассоциируются с норвежцами, то есть имеют свое конкретное этническое лицо. Таким образом, Рюрик «растраивается» и становится

вообще многоликим: он и варяг, он и норманн, он и викинг; он и славянин, он и швед, он и норвежец. По этому поводу появилось много разных теорий, что вызвало нескончаемую волну дискуссий.

В данном случае мы не будем включаться в споры, кем именно являлся Рюрик. Наша цель – показать, кем, когда и для чего эта легенда о варягах была внесена в нашу летопись. Как из легенды Рюрик становится реальной исторической личностью. Почему он признается таковой в разные исторические времена. И что за общественные силы подкармливают варяжскую легенду сегодня.

Главный вывод, который делается нами на основе текстологического анализа Лаврентьевской летописи, таков: *варяжская легенда записана не первым летописцем, а сознательно вставлена в летопись в более позднее время*. И для этого были свои причины. Возможно, у Рюрика был даже свой литературный прототип, навеянный скандинавскими сказаниями, записанными в исландских сагах.

В первой части книги мы познакомим читателя с событиями, которые имели реальную основу, подтвержденную разными источниками. Они касаются времен Ярослава Мудрого. Тогда в Новгороде находили политическое убежище скандинавские конунги. Они прибывали в Новгород вместе со своими варяжскими дружинами. В тот период открывались первые торговые фактории в городах по всему побережью Балтийского моря. Создавался прототип будущего Ганзейского союза. В частности, готландским и немецким купцам выделялись удобные для торговли места в центре Новгорода. Тогда формировалась и культура торговых отношений. Для охраны от воров и завистливых взглядов территории факторий надежно огораживались. Вместе с торговыми лавками и дворами строились храмы. Иностранцы обживались, входили в доверие горожан. Их интересы влияли на общественную жизнь новгородцев, что приводило к различного рода конфликтам. Пропагандистская война уже тогда выходила на передний план. Появляется идеологическая почва для создания различных мифов, порой с прямо противоположными оттенками: о варягах-находниках и варягах-единоплеменниках, варягах-пиратах и варягах – рачительных правителях городов русских и т. д. Понятна цель – закрепить в сознании славян идею постоянного варяжского присутствия на севере Руси.

Во второй части книги мы расскажем о самих скандинавах, их образе жизни и их ментальности. Здесь важно отследить их настоящую историю, не по сагам и житиям святых и не по ученым книгам позднейших сказителей, а по независимым источникам, написанным в то же время.

Нам важно понять их возможности освоения северных русских земель, о чем так много говорят скандинависты. Особо будет обращено внимание на природный и географический фактор. Непреодолимые силы природы выше человеческих возможностей. Во всемирной истории эти силы порой имеют определяющее значение. В раннее Средневековье огромный ущерб народонаселению планеты нанесла пандемия чумы. Ее влияние на исторические процессы в Европе безусловны. Норманны как историческое явление есть продукт тех катаклизмов, какие переживала вся средневековая Европа. Здесь же будет показано различие в значениях слов «норманн» – «викинг» – «варяг», но не глазами самих скандинавов, какими мы их привыкли видеть и как им выгодно, чтобы мы их видели, а нашими глазами – с учетом всех исторических обстоятельств и свидетельств.

В третьей части книги будет поднята тема ревизии летописей в послемонгольский период, когда возникает необходимость в создании новой идеологии для быстро развивающейся и крепнущей Московской Руси. Обращение к истокам варяжской легенды призвано было обозначить преемственность династии, подчеркнуть ее близость с Византией. Поэтому при Иване Грозном легенда о Рюрике получает развитие. Теперь он не просто варяг, а потомок римских августов. Здесь же дается текстологический анализ Лаврентьевской летописи. Решаются вопросы, когда и кем она создавалась в дошедшей до нас редакции. Заинтересованность

в восстановлении истории русского народа при Иване Грозном проходит на фоне борьбы с новыми варягами, посягающими на целостность Русского государства. Они выступают в образе новгородских еретиков. Отсюда – жестокая с ними расправа.

В заключительной части показывается, как варяги триумфально вписываются в нашу историю на государственном уровне. Им отдают почести, прославляют в памятнике «Тысячелетие России». Варяги и Рюрик прописываются в исторических учебниках. Существует мнение, что при советской власти норманнская теория отвергалась. Это неправда. Норманизм советской наукой признавался. С оговорками, но признавался. Варяг Рюрик и сегодня неотъемлемая часть нашей официальной истории. Кроме того, он стал выгодным туристическим брендом.

К сожалению, западнические убеждения и в наши дни подпитывают все те же средневековые приоритеты. Они не устарели. Они вызываются, словно духи, из прошлого, чтобы понизить роль славянского элемента в формировании русского народа. Наравне с ними сочиняются мифы о племенах финнов, якобы населявших все Волго-Окское междуречье, пока туда не пришли русские колонизаторы. Оттого и сегодня муссируются вопросы о количестве финской крови в славянской нации. Подаются идеи «вымывания» русской идентичности в коренных областях сложения русской государственности. Поэтому мы должны обращаться к своим историческим корням, чтобы, восстанавливая историческую правду, чувствовать себя морально защищенными. Наконец, чтобы было чем ответить своим оппонентам.

Часть I

Явление варягов на Русской земле

Глава 1

Варяги Ярослава Мудрого

Сегодня о варягах написано много, что создается впечатление, будто столько же много о варягах сказано в сочинениях европейских, византийских, арабских авторов. Но еще больше в русских летописях и произведениях скандинавских собирателей сказаний о норманнах и викингах. Будто бы в тех и других подробно описывается их быт, место обитания, род занятий. Как будто бы по летописям и сагам уже известно, где варяги дань собирали, в каких городах правили. Как будто уже понятна роль варягов при русских князьях, где и с кем они воевали на русских землях. Как будто установлено точно, какими маршрутами, способами и средствами они ходили через Русь торговать в дальние страны, что везли и что покупали. Как будто уже ясно, какие отношения варягов складывались со славянскими и неславянскими племенами. Как будто уже установлено, в каком родстве и кто из варягов состоял с русскими князьями. Как будто уже выяснено, какого происхождения главный варяг Рюрик, откуда он родом и сколько у него наследников. Только почему-то слово «рюрикови» появляется в летописи на 69-м листе под статьей 1086 г., то есть спустя двести лет после самого Рюрика. Наконец, как будто уже можно догадаться, где, сколько и каких сокровищ варяги оставили о себе в память. Но так ли это на самом деле? В действительности в летописях о варягах сказано крайне мало, да еще путано, с известной долей предвзятости, которая обнаруживается при внимательном прочтении. Более того, отмечается подозрительная схожесть некоторых сюжетных линий русских летописей и исландских саг.

Эта глава не случайно называется «Варяги Ярослава Мудрого». Дело в том, что именно на княжение Ярослава Владимировича приходятся основные сведения о пребывании варягов на Руси. О варягах этого периода времени пишется и в Лаврентьевской летописи, и в исландских сагах. Задач здесь ставится две – собрать сообщения вместе, обобщить и представить читателю образ варягов строго по этим источникам, без домысливаний, без привлечения суждений третьих лиц. Это первое. И второе. Наша начальная история, в том виде, в каком она вошла в учебную литературу, написана в первой половине XIX в. Первые оценки варягам появляются тогда же. Они во многом показательны. Задают настроение, отношение к варягам. Они немного корректируются впоследствии, но суть их остается та же. И их надо знать.

Всего в Лаврентьевской летописи варяги встречаются в четырех эпизодах. На первых листах автор приводит библейскую легенду о расселении народов. Условно говоря, весь север он относит к части Афетовой. Здесь по морю Варяжскому «сидят варязи семо к востоку до предела Симова». И тут же: «Афетово бо и то колено: варязи, свей, урмане, готе, русь... римляне... немци...» Заметим, варяги (варязи) при перечислении племен ставятся на первое место.

На 7-м листе (859 г.) сообщается, что варяги из-за моря вимали дань с чуди и со словен, с мери и со всех кривичей. На этом же листе далее приводится большая статья с легендой о призвании варягов в Новгород. «Изгнали *варяг* за море и не дали им дани». И не стало у них правды, и началась усобица, и решили поискать князя. Пошли за море *к варягам, к руси*. Тут же следует пояснение: «.. те *варяги назывались русью* подобно тому, как другие называются свей... иные норманны...» И далее: «...сказали: русь, чудь, славяне, кривичи... приходите княжить и владеть нами». Русь уже в данном случае уже не варяги. Но тут же: избрались три брата со своими родами «и взяли с собой всю русь, и пришли к славянам». Здесь опять подразумевается,

что варяги и есть русь. Это самый противоречивый отрезок о происхождении варягов. То они называются русь, то не называются русью.

На следующих листах варяги упоминаются в качестве воинов Олега, Игоря и Владимира. Записаны они в одном стиле. 8-й лист (882 г.) – «выступил Олег, взяв с собой много: *варягов*, чудь, славян, мерю, весь, кривичей...» На листе 10об. (944 г.) – «Игорь собрал много воинов: варягов, русь, и полян, и славян, и кривичей...» На 24-м листе (980 г.) – «Владимир же собрал много воинов – *варягов*, славян, чуди и кривичей...» Варяги опять при перечислении ставятся во всех случаях на первое место. На листе 8об. появляется запись, которая вызывает много вопросов: «И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: “Да будет матерью городам русским”. И были у него варяги, и славяне, и прочие, прозвавшиеся Русью. Тот Олег начал ставить города и установил дани славянам и кривичам, и мери, положил и для варягов давать дань от Новгорода по 300 гривен ежегодно ради сохранения мира, что и давалось варягам до самой смерти Ярослава». Имя Ярослав встречается дальше только при указании имен сыновей Владимира. Значит, если исходить из данного сообщения летописца, варягам давали дань с 882 по 1054 г. (год смерти Ярослава Мудрого), то есть почти двести лет ежегодно.

Еще один сюжет заслуживает здесь особого внимания. «Однажды, уже после, сказали варяги Владимиру: “Это наш город, мы его захватили, – хотим взять выкуп с горожан по две гривны с человека”. И сказал им Владимир: “Подождите с месяц, пока соберут вам куны”. И ждали они месяц, и не дал им Владимир выкупа, и сказали варяги: “Обманул нас, так отпусти в Греческую землю”. Он же ответил им: “Идите”. И выбрал из них мужей добрых, умных, и роздал им города; остальные же отправились в Царь-град к грекам. Владимир же еще прежде них послал послов к царю с такими словами: “Вот идут к тебе варяги, не вздумай держать их в столице, иначе наделают тебе такого же зла, как и здесь, но рассели их по разным местам, а сюда не пускай ни одного”». Это сообщение мы пока оставим без комментариев.

Следующий эпизод с варягами встречается на листах 24об.-26об. В одном случае как отражение негативного отношения к ним. В другом варяги являются примером верности христианской религии, отвергающей языческие жертвоприношения. На листе 24об. говорится о некоем Варяжке – слуге у Ярополка. И у Владимира оказываются в слугах два варяга. Эти два варяга поднимают на мечи Ярополка, убивают его. А Варяжке, его слуга, бежит к печенегам. Во втором, положительном примере, варяги – отец и сын, которого хотели принести в жертву языческим богам, – объявляются родом из греков, ибо они были христианами. Сына язычники хотели принести в жертву своим богам, но отец попытался заступиться. И так они погибли вместе.

Четвертый эпизод с варягами переносит нас в конец правления Владимира и в период совместного правления Ярослава и Мстислава. Это период междоусобных войн, ярко описанный в летописи. Особенность этого исторического момента подчеркивается признанием гибели Бориса и Глеба христианским подвигом, а также их канонизацией в числе первых русских святых.

Под статьей 1014 г. (лист 44об.) сообщается: Ярослав не дал Киеву дани в 2 тысячи гривен. Владимир хотел пойти на сына. Ярослав об этом узнал и привел из-за моря варягов, так как боялся отца. В это время на Русь пошли печенеги. Владимир послал им навстречу Бориса, а сам разболелся и умер. В это время в Киеве оставался другой сын Владимира – Святополк. Владимир умер в Берестове. От Святополка смерть отца хотели утаить. Сердце киевлян лежало к Борису. Борис, не найдя печенегов, возвращался домой, когда ему пришла весть о смерти отца. Дружина ему сказала: «Пойди сядь в Киеве на отцовском столе». Но он не посмел идти против старшего брата. Святополк же задумал убийство сначала Бориса, а потом и Глеба. Святополк стал княжить в Киеве.

Известие о смерти отца и братьев Ярослав получает от сестры Предславы в момент восстания новгородцев против варягов, «ибо те насилье много творяху новгородцам и женам их».

Новгородцы заперли варягов в доме Поромоньем и перебили. Ярослав разгневался. Собрал лучших мужей новгородских, обманув их, и перебил также. Но после известия от Предславы он опять обращается к дружине и просит идти с ним на Святополка. Месть за невинно убиенных братьев Ярослава и борьба за Киевский стол оказались выше местнических усобиц. Варяги и новгородцы выступают вместе с Ярославом на Святополка. Битва произошла на Днепре. Войско Святополка было разбито, а он сам бежал в Польшу. На следующий год пришел Болеслав против Ярослава со Святополком и с поляками. Битва состоялась на Буге у Волини. Болеслав победил Ярослава. Сел княжить в Киеве. Святополку Болеслав велел развести свою дружину по городам на прокорм. Ярослав вернулся в Новгород с четырьмя воинами и хотел бежать еще дальше – за море. Но его остановил посадник Константин Добрынин с новгородцами решительными мерами: разрубив лады. В Новгороде начали собирать скот (деньги), чтобы нанять варягов. Святополк в это время «избил всех ляхов» по городам и сам стал править в Киеве. Ярослав собрал варягов и воинов много и пошел на Святополка. И бежал Святополк к печенегам. Пришел с печенегами. Ярослав же встал с воинами своими на месте убийства Бориса, призывая отомстить за кровь брата своего, и одолел его. Святополк бежал. Он кончил свою жизнь в пустыне между чехами и ляхами. Могила его источает смрад. Это Бог явил в поучение князьям русским, что, если они еще раз совершат такое же братоубийство, зная о конце Святополка, они ту же казнь примут, – говорится в назидание.

Начало княжения Ярослава в Киеве летописец датирует 1016 г. Фактически, Ярослав «сел» в Киеве только после изгнания Святополка в 1019 г. Но на этом междоусобная война между Владимировичами не заканчивается. На Ярослава приходит Брячислав, внук Владимира, но терпит от Ярослава поражение и бежит в Полоцк. Из Тмутаракани в 1023 г. на Киев идет другой брат Ярослава – Мстислав. В Киеве его не принимают. Он уходит в Чернигов. В тот год был «мятеж велик» и голод в стране. Ярослав ходил на Волгу усмирять волхвов, затем на Суздаль. Одних казнил, других отправлял в изгнание. Когда пришел в Новгород, то вновь послал за варягами. Варягов привел их князь Якун. Вместе с Якуном они пошли на Мстислава. На этот раз на стороне Мстислава оказались северяне, кроме хазар и касогов. Мстислав победил. Ярослав вместе с варяжским князем Якуном бежали. Но Мстислав не садится на стол в Киеве. Он посылает гонцов к Ярославу, говоря: «Садись в своем Киеве, ты старший брат, а мне пусть будет эта (левая по Днепру) сторона». Мир они между собой заключили в 1026 г., поделив свои владения по Днепру.

Последнее упоминание варягов в летописи записано под статьей 1036 г. В этот же год умирает Мстислав. Ярослав с этого времени становится «самовластцем всей Русской земли».

В остальное княжение Ярослава до 1054 г. варяги не упоминаются. Их роль наемников закончилась. Из варяжских имен называется только одно – Якун. Среди их деяний при Ярославе только один раз приводится эпизод о притеснениях новгородцев. О том, что варягам якобы дань давали до смерти Ярослава, дальше в тексте не подтверждается. Не указывается в летописи и время женитьбы Ярослава, имя его жены. Только под статьей 1050 г. сообщается: «Преставилась жена Ярославова, княгиня». Так что составить какое-либо мнение о пребывании варягов в Новгороде и на Руси в целом из таких разрозненных данных по Лаврентьевской летописи крайне сложно.

Однако тема пребывания скандинавов в стране Гардарики (или Гардарика), как тогда они называли Русь, затрагивается более подробно и обстоятельно в их сагах. На этом основании и делается вывод в нашей историографии о том, что сведения исландских саг дополняют русскую историю. Хотя если уж относиться к ним серьезно, то следовало бы более строго спросить за их содержание. Как будет показано ниже, в сагах и летописи встречается ряд совпадений частного порядка, но нет единства в главном. В сагах нет упоминаний о Рюрике, а сами норманны в Гардарики не появляются ранее княжения Владимира. Такой выборочный подход к восприятию иностранных сведений говорит сам за себя.

Всего саг, где затрагивалась бы тема пребывания скандинавов на Руси, четыре: это саги «Об Олаве Святом», «Об Олаве сыне Трюгви», «О Харальде Суровом» и «Прядь об Эймунде Хрингссоне». Последняя сага полностью посвящена Руси времен Ярослава Мудрого.

Главный герой саги об Эймунде Хрингссоне¹ – скандинавский конунг Эймунд – нанимается на службу к конунгу Гардарики Ярицлейву. Почему именно к Ярицлейву? До Эймунда доходят сведения, что в то время в Гардарики умер конунг Вальдимар и править остались его трое сыновей: Ярицлейв, Бурицлав и Вартилава. Большую часть наследства получил Бурицлав (земли вместе с Кёнугардом). Вторая часть – Хольмгард с северными землями – досталась Ярицлейву. А третья часть – Полтескья и вся окрестная область – принадлежит теперь Вартилаву. Между ними, по мнению Эймунда, обязательно должна разгореться война за обладание всей страной. Эймунду было известно, что Ярицлейв состоял в свойстве с конунгом сеев Олавом. Он был женат на его дочери Ингигерд. «Ярицлейв должен нас принять хорошо, – размышлял Эймунд. – Мы ему первому предложим нашу помощь в защите его страны и тогда сможем хорошо заработать. Если же он откажется, то пойдем к его братьям». Так Эймунд со своим отрядом в 600 человек отправляется в Новгород.

В саге Ярицлейв сначала называется «хорошим правителем и властным», но скупым, затем безвольным и неспособным на самостоятельные действия без совета конунга Эймунда; бесхарактерным, потому что за него все решает его жена Ингигерд, щедрая по своей натуре. В Хольмгарде Эймунд поступает на службу к Ярицлейву. Дружине скандинавов выстраивают каменный дом, дают лучшие припасы. На Ярицлейва несколько раз нападает Бурицлав, желая захватить несколько волостей. Но с помощью воинов Эймунда ему удается выигрывать все сражения. Однако каждый раз, когда угроза нападения на Новгород его братьев отпадает, Ярицлейв перестает платить наемникам жалованье. И каждый раз Эймунд доказывает Ярицлейву, что без его воинов ему не обойтись, не удержаться в конунгах. Без его совета нельзя справиться с управлением Гардарики.

Эймунд в саге – прекрасный не только советчик, но и воитель. Он отбивает атаки жадных до золота бьярмов Бурицлава, ставит ловушки и т. д. Заканчивается сага после убийства Эймундом Бурицлава миром по плану мудрой княгини Ингигерд. Ее все увидели в дружине Эймунда и норманнов. Гардарики она делит между двумя братьями. Лучшую часть Гардарики – Хольмгард – она поручает держать своему мужу Ярицлейву. Другое лучшее княжество – Кёнугард – достается Вартилаву. В награду за службу и ради того, чтобы Эймунд и дальше оставался в Гардарики, ему передают в управление Полтескью и область, которая сюда принадлежит, с правом взимать все земские поборы целиком. А ярл Рёгнвальд будет держать Альдейгьюборг так, как держал до сих пор. О его роли во всей этой истории узнаем из других скандинавских сочинений. Здесь же отметим, что кроме рассказа об Эймунде в окончании саги затрагивается тема раздела страны между братьями. И не бывало в Гардарики иноземца более мудрого, чем Эймунд конунг. Пока он держал оборону страны, на Ярицлейва конунга в Гардарики никто не нападал, делается недвусмысленный намек в последних строках саги.

В другой саге, об Олаве Святом, о наемниках при княжеском дворе ничего подобного не говорится. Речь идет о конфликте норвежского конунга Олава Харальдссона (Норвежского) и Олава Шётконунга (Шведского) и о пребывании первого в Новгороде.

Конфликт же заключался в следующем. Олав Шведский не хотел признавать за другим Олавом право правления Норвегией, считая ее частью Швеции. Грозил войной, чего не хотели бонды, местные конунги, ярлы и лёрдманны. Завязывается сложная интрига с примирением сторон. Особая роль выпадает ярлу Рёгнвальду, женатому на Ингибьёрг, сестре отца Олава Норвежского. Он предлагает дочери шведского конунга Ингигерд выйти замуж за конунга Норвегии и этим прекратить распри. Она принимает предложение. На тинге короля шведов принуждают принять общее решение о примирении сторон и согласиться на брак своей дочери. Свадьбу назначают на осень. Но конунг Олав Шведский затаил ненависть к сопернику и ждет

удобного случая, чтобы отказаться от собственного обещания. И вскоре такой случай представляется. Из Новгорода в Швецию прибывают послы с предложением брачного союза Ярослава и старшей дочери шведского конунга. Тот соглашается, считая этот брак равным. Но посреднические услуги по примирению сторон не прекращаются. Ярл Рёгнвальд предлагает тайный брачный союз Олава Норвежского с другой дочерью Олава Шведского – младшей Астрид, особо подчеркивая, что ее приданое должно быть таким же богатым, как и у Ингигерд, тем самым формально уравнивая статус норвежского конунга и новгородского князя. Но с этим категорически был не согласен конунг Швеции. Когда он узнает о случившемся, то объявляет ярла Рёгнвальда своим личным врагом. Развязка наступает при отплытии Ингигерд в Гардарики. Она просит своего отца разрешить ей взять с собой то, чего она попросит. Отец соглашается. Тогда она умоляет его отпустить с собой ярла Рёгнвальда со своей семьей во главе ее личной дружины. Отец гневается, но уступает. С другой просьбой Ингигерд обращается к посланцам Ярослава. Она выдвигает условие, по которому в Новгороде ярлу Рёгнвальду должны будут оказывать ровно такие почести, какие он имел в Норвегии. Послы принимают условия. По прибытии Ярослав передает Рёгнвальду в княжение Альдейгьюборг. В этой саге есть еще один примечательный персонаж – конунг Хрёрик. Олав некогда его ослепил, но оставил при себе и везде с собой возил. Хрёрик высказывал открыто свое презрение сопернику и готовил заговоры против Олава. Тот его долго прощал, пока не отправил в Гренландию.

В этих двух сагах есть три совпадения имен – Ярицлейва – Ярослава, его жены Ингигерд и ярла Рёгнвальда. Посмотрим дальше.

В третьей саге «Об Олаве сыне Трюгви» передается короткий эпизод с мальчиком по имени Олав. Его мать Астрид скрывала происхождение своего сына, так как боялась за его безопасность. Но однажды сын Трюгви был на рынке и узнал убийцу своего воспитателя Торольда. Он стукнул его топориком по голове и побежал домой. Народ бросился на поиски Олава. Дядя мальчика Сигурт предусмотрительно отвел его в дом жены конунга. В Хольмгарде господствовал тогда закон, согласно которому всякий, кто убил человека, не объявленного вне закона, должен быть убит. Жену конунга звали Аллогия. Она сказала, что такого красивого мальчика убивать нельзя. Олаву было 9 лет, когда он попал в Гардарики. Свое имя он получил в честь деда – Олава Святого. В Гардарики он прожил еще девять лет и был в чести у Вальдимара-конунга. Когда он вырос, то Вальдимару стали нашептывать, что он должен остерегаться Олава. Он даровит, и его все любят. Тогда Олав решает уехать из Гардарики.

В четвертой саге «О Харальде Суровом» повествуется о походе в Страну греков. Харальд, брат конунга Олава Святого по матери, собирается в поход в Восточные страны. Его путь лежит через Гардарики. Весной он прибывает к конунгу Ярицлейву. Проводит он у него несколько зим, «ходил походами по Восточному Пути». Потом отправляется к Миклагарду. Там его воины побратались с верингами. И вскоре Харальд делается предводителем всех верингов. Потом Харальд вместе с верингами идет походом в Страну сарацин. Много лет проводит в Африке, захватывает огромные богатства: золото и всякого рода драгоценности. «Все имущество он посылал с верными людьми на север в Хольмгард на хранение к Ярицлейву конунгу, и там скопились безмерные сокровища»², – читаем мы в заключении отрывка.

Харальд много завоевывал городов. Однажды он подошел с войском к большому городу с многочисленным населением. Он осадил крепость, но ее стены оказались настолько прочными, что невозможно было их проломить. Продовольствия у горожан было тоже много, чтобы выдержать длительную осаду. Тогда Харальд пошел на хитрость: он велел своим птицеловам ловить птичек. К их спинкам привязывали сосновые стружки, смазанные воском и серой, поджигали и отпускали их к птенцам в гнезда. Скоро огонь распространился по всему городу. Тут все горожане вышли и стали просить пощады. Находчивость Харальда помогла верингам занять еще несколько городов. Когда Харальд возвращается в Норвегию, он встречает там своего «сородича» конунга Магнуса. На пиру Магнус подошел к Харальду, держа в руке два камы-

шовых стебля. «Какой из стеблей желаешь взять?» – спросил он. «Тот, что ближе ко мне», – отвечал Харальд. Тут Магнус-конунг сказал: «Вместе с этим стеблем камыша даю я вам половину Норвежской державы»³.

Что мы видим в последних двух сагах? У конунга Вальдмара жену звали Аллогия. Под Вальдимаром следует понимать князя Владимира. Но тут возникают вопросы. По русской летописи, последние годы жизни Владимир находился в Киеве. В Новгороде он княжил при своем отце Святославе в 977–980 гг. Олав, как внук Олава Святого, не мог родиться раньше этого периода. Но если Вальдимар – Ярослав, то его жену по другой саге звали Ингигерд. Сюжет с птичками очень напоминает месть княгини Ольги древлянам за смерть своего мужа Игоря. Там к лапкам птичек привязывался горящий хворост. Слово «веринг» в других сагах не встречается. Раздел Норвегии между Харальдом и Магнусом похож на раздел Руси Ярославом и Мстиславом. Но вот сюжет саги об Эймунде, где сходятся три брата Ярицлейв, Вартилав и Бурицлав, подходит по сюжету не к борьбе Ярослава со Святополком и другими братьями, коих всего двенадцать, а к усобице Владимира, Олега и Ярополка в промежутке (по Лаврентьевской летописи) между 973 и 980 гг. Тогда после смерти Святослава вся Русская земля была поделена между тремя братьями. К этому моменту относится и запись о требовании варягов передать им город, который они помогли взять. Тогда, как говорилось в цитате из летописи, Владимир стал тянуть время с выдачей «откупа». Варяги попросили отпустить их в Греческую землю. Он не препятствовал. Только отправил предупредительное письмо и т. д. Но если допустить, что в саге об Эймунде действительно рассказывается о Владимире, то чья жена тогда Ингигерд? И... была ли она вообще?

Первое появление исландских саг в России относится к середине XIX столетия. В историческом сборнике за 1841 г. публикуются «Извлечения из саги Олова, сына Триггвиева, короля Норвежского. Пребывание Олава Триггвиевича при Дворе Владимира Великого» в переводе с исландского протоиерея Стефана Сабина⁴. В этих «Извлечениях...» приводится многое из того, чего нет в современных переводах тех же исландских саг. То ли Сабинин сам дописывал (или досочинял) эти тексты, а потом их переводил на русский язык, то ли ему их дали, специально подготовив к русскому изданию, – вопрос остается открытым. Тем не менее некоторые выводы Сабина мы и сегодня читаем в наших школьных учебниках. На его дополнения строится официальная версия начальной русской истории. Она сразу была принята на ура. Она укрепила в обществе убеждение о норманнах-варягах как о завоевателях, оставивших большой след в русской истории, но еще больше в памятниках древности, закопанных в земле.

Вчитаемся в некоторые строки. Первое, что обращает на себя внимание, – это приписка к заглавию. В сагах нет указания о времени пребывания Олава сына Трюггви в Новгороде. Однако в переводе мы видим имя Владимира, время княжения которого приводится в русских летописях. Для подтверждения на первой же странице дается точная дата рождения Олава – 969 г. В концовке перевода Олав принимает участие в крещении язычников Гардарики. Однажды Олаву явилось видение, будто он разговаривал с Богом. Господь осенил его Святым крещением и внушил ему стать совершенным служителем Божьим. После этого он наказал ему отправиться в Грецию и найти там славных учителей. Олав так и сделал. В Греции он нашел епископа Павла и просил его ехать в Гардарики и исповедовать там учение Божие Христианское языческим народам. Сам он поехал следом. Приехав в Гардарики, он сначала проповедовал веру конунгу Владимиру и его супруге Адлогии. Конунг затруднился с выбором. Потом сказал, что лучше доверит решение супруге, которая гораздо умнее его. Обсуждение этого вопроса проходило на большом собрании. Оно закончилось обещанием принять истинную веру. Все долго рукоплескали такому решению конунга. В примечаниях протоиерей Сабинин пишет уже от себя о Владимире как о норманне в четвертом колене. Норманны, правившие некогда Гардарикой, «со времен появления их на Руси, непрерывно громят Славянские области. Аскольд и Дир овладевают Киевом. Военные действия Олега, Игоря, Ольги, Святослава и

Владимира устремлены исключительно почти против народов славянского происхождения... нормане их всех называли общим именем Словене, то есть рабы»⁵.

Так что все, по мнению любителей древности поры IX в., сходилось. Варяги главенствовали на всей Русской земле. Русские летописи утаивают эти известия. Скандинавские источники являются наиболее точными. Значит, они должны быть положены в основу русской истории. Варяги пришли. Варяжками были их жены. Женой Ярослава тоже была шведка – Ингигерд. Правда, те же скандинавские источники ни Владимира, ни Ярослава мудрыми не считали. Только их скандинавских жен. Но этот «обидный» вопрос уже не обсуждался. Вокруг варяжской теории тут же появляется множество мифов. Главные из них – мифы о хождениях варягов-норманнов по Руси. Ведь, как записано в летописи и как говорится в сагах, им раздают города, они собирают повсюду дань, плавают через Русь в Византию и Восточные страны, торгуют и воюют, оставляя свои богатства на просторах Гардарики-Руси в кладах и больших могильных комплексах.

Впору задаться вопросами: какими маршрутами, когда и сколько варягов могли перемещаться по необъятным просторам славянских, тюркских и иных племен, рассеянных от Балтики до Черного и Каспийского морей? Собирали ли они на самом деле дань? Совершали ли торговые экспедиции? Или, может быть, путешествовали ради любопытства, выведывая, как бы между прочим, у населения места добычи золота и серебра? Наконец, каким образом они добирались до укромных, мирно затаившихся в лесных чащобах, среди непролазных болот селений Залесья, чтобы просто пограбить или даже завоевать? По этому поводу разгорелось так много жарких дискуссий еще со времен протоиерея Стефана Сабинаина, что они не утихают и по сей день. В этих дискуссиях тонут всякие доводы о беспредметности разговора на эту тему вообще по одной простой причине: легенда сама по себе не может являться историческим фактом, какое бы зерно правды в ней ни содержалось. Легенда тем более не может признаваться историческим фактом, если в ней изначально заложены противоречия. Еще большая ошибка – признавать за легендой символизм, если есть сомнения в ее достоверности вообще, в определении авторства, времени внесения в письменные источники.

Увы, но мы обязаны, как и многие поколения противников норманизма, вступить в дискуссию, чтобы еще раз показать негативную сторону теории с антирусским оттенком. Поэтому далее в этой части мы попробуем смоделировать ситуацию, что называется, наоборот и представить эпоху летописного варяжского завоевания так, как если бы действительно варяги могли свободно передвигаться по Руси в разных направлениях. Попытаться разобраться, в *какое время* и *что* послужило поводом для создания мифов о варягах – находниках на Русской земле.

Глава 2

По какому маршруту мог собирать дань Рюрик в «русско-финском» Залесье

...Однажды автору этих строк довелось поехать в командировку в город Котлас. Этот город находится на Северной Двине в южной части Архангельской области. Ехать надо было из Нижнего Новгорода на машине «Урал» с прицепом и грузом. По карте мы с напарником выяснили, что попасть туда можно тремя путями: прямо через райцентр Шарья на севере области, с востока через Киров и с запада через Вологду. Последний маршрут отпадал сразу: это лишних полторы тысячи километров. Через Киров казалось предпочтительнее, но расстояние все равно пугало. Прямая дорога тоже вызывала сомнения по причине ее качества. Особенно не внушала доверие пунктирная линия дорожного покрытия на карте. Но мы решили рискнуть.

До Шарьи доехали к обеду, легко и без приключений. Остановились у магазина, чтобы купить воды и чего-нибудь съестного. Водитель остался у машины. Как ответственный товарищ, он должен был проверить ее техническое состояние, хотя бы постукивая ногами по колесам. Возвращаясь из магазина с пакетом продуктов, возбужденный перспективами удачного путешествия, я, подходя к машине, почувствовал некоторую напряженность. Мой напарник стоял в окружении местной молодежи, и они что-то бурно обсуждали. При моем приближении все смолкло. Водителя, если мне не изменяет память, звали Саша. Он подошел ко мне и тихонько так сказал: «А дороги дальше нет!» Я смотрел по сторонам. Солнечный свет скользил по разноцветным крышам кирпичных домов, ровные асфальтовые дорожки расходились в разные стороны от магазина. Как-то не верилось, что где-то тут рядом кончается цивилизация.

После небольшой паузы Саша продолжил: «Правда, эти пацаны говорят: можно доехать до села Никольское, тут недалеко, найти трактор. Дорога там хоть и болотистая, но с трактором можно проехать. Всего одно препятствие – и все! Один из этих пацанов согласен нам помочь. Может поехать с нами». Я понял, что он уже морально к такому развитию событий подготовился. Для меня важен был фактор времени. Пришлось согласиться.

В Никольское мы приехали быстро, но все-таки не так, как нам представлялось ранее. «Тут недалеко» растянулось на несколько часов, и на месте мы оказались практически под вечер. Надо было устраиваться на ночлег. Наш попутчик предложил оставить машину на охраняемой стоянке. Она представляла собой площадку местной автомобильной базы со сторожкой на выходе. Ночевать мы отправились к его другу. Утром, проснувшись, сначала искали нашего спутника, потом долго ждали его, не понимая, что происходит. Дом оказался без хозяев и практически без мебели. Начали закрадываться сомнения в его порядочности. Мы собрали вещички и поспешили к машине. Кабина оказалась приоткрытой, магнитола вырвана вместе с проводами, бензобак оказался без крышки. Видимо, сливали солярку. Да и груз немного 30 поубавился, хотя особой ценности не представлял.

Что-то надо было делать. Мы уже заехали слишком далеко, чтобы возвращаться обратно. Оставалось проводника искать самим.

Попробовали поговорить об этом с компанией прохожих мужиков средних лет. Нам объяснили, что сегодня вряд ли кто согласится нам помочь. У них сегодня в поселке праздник – День молодежи. Гуляют все. Тут мы только обратили внимание на громкую музыку из репродукторов, пригляделись к цветастым платьям на девушках, на скопление повеселевшего народа. Такое бурное празднование Дня молодежи в отдельно взятом поселке вызывало смешанные чувства.

На наше счастье, к нам подошел молодой человек в милицейской форме. Узнав проблему, посочувствовал и пообещал помочь, оценивающе осматривая наш полноприводный

«Урал». Первым делом он посоветовал отъехать подальше от деревни, чтобы не смущать своим грузом местных хулиганов, что мы и сделали. Оставалось его ждать.

Приехал он только под утро следующего дня с каким-то полупьяным мужиком. Представил его тральщиком и пояснил: «Он поедет с вами до своего трактора. Будет просить – не наливайте!» На наш вопрос «А сколько ехать?» мужик нас уверил: «Недалеко». – «А что за препятствие?» – «Ерунда!»

Ехали молча. Мужик кемарил, иногда просыпался и просил налить. Получив отказ, он опять погружался в сон. Дорога, хоть и была ровной и асфальтовой, начинала утомлять. Мы ждали трактора, препятствия, а все асфальт и асфальт. По нашим представлениям, «недалеко» должно было давно закончиться. Асфальт как-то неожиданно пропал, как только мы выехали из очередного поворота. Перед нами предстала дорожная полоса из железобетонных плит. Скорость пришлось сбросить. Поехали медленно. Через какое-то время в сознание стала закладываться тревога. Пейзаж по сторонам сменился с кустарника и мелкокошья на болотистую местность с низкорослыми тонкими остовами деревьев без листьев и верхушек. Становилось жутковато. Дорога, казалось, вела в никуда. Закрадывалось желание повернуть в обратную сторону. Но этого уже не сделать физически: плиты уложены были с расчетом под одну машину. Слева топь, справа через два метра топь. Встречная машина могла ехать только по грязи, а развернуться здесь невозможно. Только вперед.

Вперед ехали еще час или два. Плиты кончились. В утреннем тумане нарисовался трактор гусеничный, площадка с поваленными деревьями, избушкой. Тракторист проснулся, осмотрелся. Его предложение выглядело как вердикт: «Я, – сказал он, – цепляю ваш прицеп, а вы едете за мной. Застрянете – свистнете». На наш вопрос «Сколько так ехать?» последовал ответ: «Недалеко!» Хотелось верить...

Застревал наш полноприводный Урал в жиге грязи с ямами несколько раз. Иногда тракторист нас слышал. Отцеплял прицеп, подъезжал к нам, вытаскивал «Урал», снова зацеплял прицеп. Несколько раз приходилось вылезать из кабины самому, погружаться по самое никуда в грязь и ползти за трактором. Тракторист свист слышал, останавливался и засыпал. А прежде наливал себе сам. За спинкой сиденья, оказалось, у него все, что надо, было.

Когда мы наконец увидели препятствие, нас охватила оторопь. Поперек дороги лежало бревно толстенных размеров, за которым по промывшей дорогу протоке мирно журчал ручей. Тракторист нас тут же успокоил: «Это ерунда. Главное препятствие впереди». Признаюсь честно, из машины я вышел и наблюдал за происходящим краем глаза. Было не по себе. На наш вопрос «Где же это чертово препятствие?» последовал ожидаемый ответ: «Недалеко!» Думалось уже разное...

До главного препятствия мы добрались, когда солнце уже перевалило за полдень. Нашему взору предстала другая протока, шире и глубже прежней, с высоко насыпанной гравийной дорогой на противоположном берегу. Здесь грязь, а там сухая дорога. Не совсем уже в это и верилось. Оставалось на нее попасть. Прямо сложно, в объезд жига. В задумчивости стояли не только мы, но и тракторист. Тут послышался шум приближающегося сзади нас двигателя. Наш спаситель неожиданно панически засуетился.

– Это, наверное, мое начальство. Шас меня будут ругать. Надо быстрее уезжать.

Он начал пятиться к своему трактору.

– А как же мы? Нам-то чего делать?

– Не знаю. Ничего не знаю.

Мы просто опешили. Оказаться одним на болоте, в полной неизвестности... (Сотовых телефонов тогда еще не было.) Он бы точно уехал... На наше счастье, другой трелевочный трактор подошел быстро и прямо к нам. Из кабины вышло трое парней. К удивлению, все трезвые и не из его начальства. Оказалось, тот милиционер попросил их подстраховать своего нетрезвого товарища. Спасибо ему!

Пересказывать, сколько времени мы преодолевали это препятствие, оборвали тросов, крюков, как залили водой прицеп с грузом, меняли промокшие от грязи тряпки на горловине бензобака, – дело долгое. Да оно и ни к чему.

Оказавшись на твердой земле, мы благодарили своих спасителей от души, как никогда в своей жизни.

С нас не взяли ни денег, ни водки. Спрашивать, долго ли еще ехать, было уже неуместно. Больше интересовал вопрос: нет ли дальше каких препятствий? Нас уверили, что нет. В таком полустрессовом состоянии мы погрузились в машину и поехали. Через несколько километров, когда пришли в себя и немного успокоились, решили перекусить. Лучше всего это казалось сделать на природе. Сели на дороге прямо перед машиной.

В это время нам навстречу выехала повозка – лошадь с груженной каким-то тряпьем, комодами, стульями телегой. На ней сидело четверо: женщина с мужчиной и двое детей подросткового возраста. Оказались цыганами. После взаимного обмена приветствиями они спросили: «Мы там проедем?» После пережитого уже можно было шутить: «Конечно! Мы же проехали!..»

С тех пор, хотя и прошло много времени, меня мучает один вопрос: так проехали те цыгане на лошади по тем гиблым местам или все же вернулись?

* * *

Сегодня я вспоминаю этот случай, пытаюсь представить себе наших далеких предков в роли путешественников. Та дорога, как нам рассказывали, была застелена бревнами еще в царские времена. Потом ее забросили. А тысячу лет назад, когда дороги через болота не прокладывали? Без проводника, знающего только свою местность, по бездорожью, далеко ли доберешься? Да еще и люди всякие могли попасться. Могли помочь, а могли и ограбить. Могли вообще завести неведомо куда и бросить. Проще было тем, с кого 34 нечего взять. И лихие людишки не только в чащобах прятались, но и караулили торговые суденышки по рекам. Это не значит, что никто никуда не ездил и не плавал. Наоборот, легенды о разбойниках в той или иной местности лишь доказывают: здесь когда-то был торговый путь. Вспомним Соловья-разбойника в глухих Муромских лесах! Но эти же легенды подтверждают и другое: всегда находились люди, которым было далеко не безразлично, кто, куда, зачем и, главное, с чем едет? что везет?

Люди разными способами и с разными намерениями передвигались с места на место. Богатые торговцы на больших повозках, караванами перевозили грузы в коммерческих целях, а простые люди везли с собой весь обычный домашний скарб кто на чем мог. Одни пускались в путь вынужденно. Для других передвижение, перемена места обитания – образ жизни. Цыгане, нищие, различные кудесники и волхователи, промышляющие мелким воровством и подаянием, перемещались на большие расстояния. От них «оседлые» жители узнавали о неведомых дальних и заморских странах. Их же использовали и в качестве разведчиков, потому как за ними потом шли караваны купцов и армии разорителей. Эти путники к тому же являлись переносчиками заразных заболеваний...

Если одни отправлялись в путь по надежным дорогам (все-таки обратно и мы поехали в обход!), то другие искали маршруты, ориентируясь по принципу: от селения к селению. К цыганам и попрошайкам в христианское время добавились еще и миссионеры с просветительскими целями и странствующие монахи, переходящие из монастыря в монастырь в поисках своей доли или в поисках пустоши, как тогда называли, для уединения. Бродяжничество родилось не вчера и не уйдет в прошлое никогда.

Соседствующие близкородственные племена всегда контактировали друг с другом, несмотря на различные препятствия. Принцип здесь простой: иначе не было бы обществен-

ного развития. Значит, для этого существовали водные и сухопутные маршруты, имеющие особенности для конкретной местности. Для степных южных районов это, скажем, большие расстояния между селениями. Для северо-восточной части Древней Руси это леса, болота и наличие огромного количества озер, рек разных направлений и их притоков. Они создавали сложности для передвижения, а потому в этой стороне сложилась система волоков и связанная с этим специфическая профессия волоковщиков. Места, где осуществлялись волоки, получали созвучное наименование. Город Волоколамск (Волок Ламский), например. Не надо забывать и про другую особенность передвижения: сезонность. На период весенней распутицы, когда пути «распутываются», то есть размываются половодьем рек, исчезают, приостанавливаются и всякие сношения между жителями соседних сел и деревень. И наоборот, когда морозы сковывают льдом воды рек, озер и болот, перемещение становится более удобным. Не случайно ярмарки проводились, как правило, в зимнее время. Это связано не только с окончанием осенних полевых работ, забоем подросшего скота, но и с возможностью беспрепятственно и быстро добраться до нужного места.

Не совсем верно бытующее положение об обязательном передвижении наших предков IX–XI вв. только водными путями. Не совсем верно и другое – представление о славянах как о варварах, полудиких племенах, без письменности и со слабой социальной организацией. Между прочим, IX – начало X в. – это конечный период так называемого Великого переселения народов. Славянские племена активно мигрируют в восточном направлении, заселяя Русскую равнину. Не всегда все происходит по доброй воле, порой – под давлением германских племен, где с письменностью тоже не все было в порядке. (Каролингские анналы начинают записываться с 861 г.) Одежда, обувь, кухонная утварь, жилища отличия имели символические, сообразно культурным традициям разных этнических образований. На новом месте славяне не теряют контактов друг с другом.

По описанию летописца XI в., эти связи осуществлялись в треугольнике Киев-Новгород-Муром. Вполне естественно и его представление о маршрутах, связывающих эти города. Но он подробно о них не рассказывает. Читаем только: пришел Глеб на Волгу. Его конь споткнулся на рытвине, «.. и повредил Глеб себе немного ногу. И пришел в Смоленск». Так через верховья Волги и Смоленск Глеб должен был попасть в Киев. Сегодня мы имеем большие возможности, чем древний летописец, описать те маршруты.

Варяги, по летописи, хозяйничали в Новгороде. Из Новгорода они совершали походы по городам Руси. Значит, во всех случаях направления движения должны начинаться от Новгорода. Начнем с юго-восточного направления. Оно с точки зрения норманистов было одно из самых востребованных. По этому пути располагалась цепочка древних русских городов, которыми, как указывается в летописи, и владели, и дань собирали варяги. Крайним на этом пути был город Муром.

Сухопутные пути узнаваемы по трем критериям: 1) по частоте упоминаний в древних хрониках, подтвержденных археологическими исследованиями старых городов; 2) по сети существующих современных дорог (их значимость могла меняться, но чаще всего единожды проложенные дороги сохранялись веками; только в последнее время начали строить объездные дороги вокруг городов, выпрямлять насыпи слишком извилистых магистралей); 3) по правилу сорокового километра. Пешие переходы на пределах человеческих возможностей со скоростью 5 километров в час и в светлое время суток ограничиваются 40 километрами. Преодоление этого расстояния в большую или меньшую сторону зависело от сложностей пути – заболоченности местности, рек, лесистости и проч. или, наоборот, их отсутствия (а также состояния грунтовых дорог между населенными пунктами и наличия средств передвижения).

С определенной долей условности маршрут Великий Новгород – Муром мог выглядеть следующим образом: Великий Новгород – Ямская слобода (95 км) – Валдай (53 км) – Вышний Волочек (94 км) – Торжок (69 км) – Тверь (63 км) – Кимры (102 км) – Талдом (28 км) – Мерку-

рьево (41 км) – Переславль-Залесский (76 км) – Юрьев-Польский (65 км) – Суздаль (62 км) – Ковров (67 км) – Красная Горбатка (82 км) – Муром (48 км).

Не все селения здесь указаны, так как не все ямские станции «доросли» впоследствии до статуса райцентра, или вовсе исчезли, или изменили название, но это уже частности. Итого: общая протяженность пути от Новгорода до Мурома по современным географическим картам составляет 935 километров. В реальности это могло быть немного больше. Еще один маршрут складывается по удлинненному пути из Новгорода через Вышний Волочек – Бежецк (в объезд через Углич) – Рыбинск (известный по летописям как Усть-Шексна) – Ярославль – Ростов – Тейково и далее на 38 Ковров (приблизительно 1120 км). В обоих случаях в пределах 20–25 дней путешествия от реки Волхова (Великий Новгород) до реки Оки (Муром) вполне можно было добраться.

Прямого водного пути от Новгорода до Мурома не существует, разве что с перерывами. Водный путь вообще сопряжен со многими трудностями: это и сильное течение, практически исключая движение в обратном направлении; это и порожи́стость рек, особенно берущих начало с Валдайской возвышенности; это и мелководье, и необходимость использования волоков при переходе из одной речной системы в другую. Например, река Мета, берущая начало от Вышнего Волочка и впадающая в озеро Ильмень в окрестностях Великого Новгорода, могла использоваться только в своих верховьях. Боровичские пороги (более чем 2 м!) вынуждали перегружать грузы на гужевой транспорт и перевозить его по суше. То есть если сухопутным путем из Мурома доходили до Торжка, то далее можно было плыть по Тверце, затем через волок на Цне перебираться в Мету, а далее – до Новгорода. В обратную сторону шли посуху или ехали на санях. Если не было необходимости доставлять большие грузы, то и не было смысла сплавляться по реке. По времени это было значительно дольше. Таким образом, предпочтительнее говорить о наличии сухопутного пути от Новгорода в сторону Мурома.

Это значит, что в IX в. летописные норманны, если они тогда действительно хозяйничали на Руси, могли совершать регулярные походы на Ярославль, Ростов, Суздаль, Муром. В подтверждение сказанного на современных географических картах сторонниками этой точки зрения обозначено девять археологических комплексов, где найдено, по их мнению, сосредоточие предметов, имеющих скандинавское происхождение⁶.

Что такое археологический комплекс в данном конкретном случае? Под археологическим комплексом подразумевается наличие определенного набора артефактов, которые можно идентифицировать по этнической принадлежности. В статье И. Херрманна, кстати сказать, называется только одна разновидность артефактов из Балтийского региона (да и то с небольшой оговоркой), которая могла бы оказаться на Русской равнине. Это, по его мнению, фельдбергская керамика, использовавшаяся, прежде всего, в качестве тары для сыпучих товаров и меда. Она изначально изготавливалась племенами Средней Померании, затем в торговых центрах Швеции и Дании. Из этих стран, благодаря своим техническим и эстетическим качествам, она получила широкое распространение на берегах Балтийского моря и в северной части Руси. С IX в. этот тип керамики подвергается модификации и дальнейшему развитию, становится одним из видов массовой продукции «многих славянских племен». Орнаментация фельдбергской керамики переносится на художественное оформление другой домашней посуды «почти всех славянских племен», утверждал немецкий историк Херрман.

В числе археологических комплексов, где должны быть вещи скандинавского происхождения, указывается и город Муром. Но и без современных немецких исследователей на Муромщине давно ведутся поиски варяжских древностей. Этой теме посвящались и специальные исследования.

В статье Т.А. Пушкиной, например, называется двенадцать таких предметов: три фибулы, один бронзовый прорезной наконечник ножен меча, одна подвеска с изображением извивающегося чудовища, два 40 меча, одна арабская монета с процарапанным изображением

молоточка Тора (две линии в виде буквы «Т» в данном случае должны обязательно символизировать таинственный знак скандинавского божества – Тора, бога грома и войны), два бронзовых массивных браслета, один железный проушный топор и остатки одной плетеной серебряной цепочки⁷. Правда, почему ее причислили к скандинавским древностям – не совсем понятно.

В этот же перечень можно включить археологические артефакты, описанные позднее в диссертационной работе В.В. Бейлекчи⁸. Имеют отношение к Скандинавии, по его мнению, керамические сосуды с загнутыми внутрь венчиками (у фельдбергской керамики венчики выгнуты наружу!), деревянные чаши с металлическими оковками и несохранившийся железный меч (так называемого «скандинавского типа» из Подболотьевского могильника). Весь основной инвентарь Муромских могильников перечислен у Бейлекчи на сорока (!) страницах: орудия труда и предметы быта, предметы вооружения и украшения. Это очень богатый и разносторонний материал, состоящий из тысяч мелких предметов, аналоги которым найдутся в других местностях. Учтена вся доступная информация, начиная с уваровских курганов в 1851 г. до археологических исследований последнего времени. 12–15 предметов, указанных у Бейлекчи как скандинавские, но чье происхождение еще и оспаривается, – не слишком большой объем для доказательств пребывания скандинавов-норманнов-варягов на Муромской земле. Здесь же надо заметить, что время изготовления многих из перечисленных предметов – не ранее середины X в. Предметов времен летописных варягов нет вообще, как, впрочем, и остатков фельдбергской керамики.

Мифы не появляются на пустом месте. Миф об активном использовании рек в качестве путей сообщения в этом регионе, связанный с «расцветом всех социальных и духовных сил населения Скандинавии» эпохи викингов, по нашему мнению, рождается в головах историков XIX в. в пору активного строительства плотин, устройства каналов и других гидросооружений, связывающих в единое целое водную систему Балтики и Волги. В годы, когда Н.М. Карамзин писал «Историю Государства Российского», водное сообщение от Твери на Волге до Великого Новгорода на Волхове представляло собой чрезвычайно оживленную трассу, благо сухопутная дорога во многих местах проходила по берегу рек. Населенные пункты расширялись там, где требовалась дополнительная рабочая сила для проводки судов по порогам, перетаскивания грузов по берегу, технического обслуживания и т. д. В этих селениях большим спросом пользовались перекладные лошади, гостиничные места. Порой путников встречали, как писал А.Н. Радищев в своем сочинении «Путешествие из Петербурга в Москву» (опубликовано в 1790 г.), разнузданные девки с баранками, возжигающие любопытство. К услугам щедрых постояльцев готовились бани. Кабаки зазывали запахом пива и заморских вин. Особенно впечатляюще выглядел Вышний Волочек, где восхищали зрелищем рукотворные каналы, связывающие три реки: Мету, Цну и Тверцу. Шлюзы каналов наполнялись водой до определенного уровня и открывались на время для прохождения в другой шлюз. Поштучно корабли пропускать через шлюзы было не выгодно. Для прохождения выстраивались целые караваны судов. Многие торговые плавающие средства строились тут же. Отношение к ним было такое же, как сегодня к одноразовой посуде: использовал – выбросил. Их нельзя было ни вернуть на место, ни пустить в плавание на Балтику. Поэтому они в месте прибытия разбирались на дрова. На сложных участках реки, в местах порогов, особенно Боровичских и Опеченских, торговые караваны ожидала целая армия лоцманов, грузчиков, черпальщиков воды. Жизнь кипела!

Неудивительно, что у некоторых впечатлительных путешественников, регулярно совершающих поездки из Петербурга в Москву и обратно, создавалось впечатление, будто водный путь, соединяющий Волгу и Балтику, был всегда и с незапамятных времен. На этих ощущениях выросло не одно поколение.

Потребность в создании такого водного пути возникла с момента начала строительства новой столицы Российской империи – Санкт-Петербурга – в 1703 г., благо тому способство-

вали гидрологические условия местности. Новому центру требовался в огромных количествах лес, металл, кожа, лыко, продовольствие и т. д. и т. п. К реализации проекта привлекли голландцев, но они с задачей не справились. В 1709 г. канал открыли, а через десять лет по нему уже не плавали. Водостоки не обеспечивали необходимый подъем воды в каналах для судоходства. Личную инициативу тогда проявил новгородский купец Михаил Сердюков. Он смог убедить Петра I в возможности реанимировать Вышневолоцкую водную систему, предложив ряд оригинальных технологических решений. Согласие Сердюков получил после личной аудиенции у царя. Когда через три года проявились результаты, все управление водным путем передали Сердюкову в концессию на пятьдесят лет. Кроме того, Сердюков получил право пользования прибрежной полосой, на которой стали возводиться селения из бараков для сезонных работников, с кабаками, корчмами, торговыми лавками, банями. Сердюкову разрешили использовать сборы с проходящих судов, с мельниц на содержание водной магистрали. Не облагались налогом и доходы от питейных заведений. Массы крепостных крестьян согнали со всей округи для прорытия обводных каналов. Они впоследствии и составили основной костяк казенных потомственных работников на обслуживании судоходства. За сто с лишним лет устоялись традиции, обычаи в обслуживании проезжающих путников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.